

Ван Линь улыбнулся и сказал, “Все верно. Как только дядя заработает много денег, он вернется и женится.”

Да Ню хотел что-то сказать, но его позвал отец. Да Ню отозвался и сказал Ван Линю с горькой улыбкой, “Мне снова надо работать с железом.” С этими словами он обреченно поплелся домой.

Из кузнечной мастерской донеслось несколько криков отца Да Ню. Ван Линь отхлебнул вина и продолжал сидеть на улице. Медленно начался снегопад. Беззвучно падал первый снег этого года.

Температура внезапно упала.

Снежинки падали на лицо Ван Линя и быстро превращались в ледяную воду. Ван Линь поднял голову и посмотрел на тусклое небо. Потом поднял руку и не спеша закрыл ладонь. Все снежинки начали слетаться к нему.

Ван Линь сделал глубокий вдох и раскрыл правую ладонь. Снежинки тут же рассеялись и полетели в разных направлениях. Все произошло так быстро, что никто из смертных, быстро шагавших по улицам с опущенными головами, ничего не заметил.

Небо темнело, все меньше и меньше людей проходило мимо. Вскоре на улице не осталось совсем никого. Даже все магазины закрылись из-за холода. Все ушли домой к своим семьям, чтобы собраться всем вместе вокруг печи.

Такое тепло согревает не только тело, но и душу. Такое тепло, которое может дать только семья, может прогнать любой холод.

Печаль медленно заполнила глаза Ван Линя. Холод, который принес снег, ничего не значил для Ван Линя, но сейчас, когда он смотрел на все эти огни магазинов, а его магазин единственный был с темными окнами, в его сердце начал зарождаться холод.

От этого холода невозможно было избавиться при помощи огня или какой-либо техники. Этот холод происходил из понимания небес и был неотъемлемой частью познания жизни.

Чтобы стать бессмертным, нужно сначала стать смертным.

И хотя стать смертным было легко, как это могло быть настолько легко? Прямо сейчас Ван Линь переживал одиночество. Он знал, что ему нужно продолжать его испытывать.

Это одиночество – ничто по сравнению с тем, что придет спустя годы, когда все, кого он знает, будут умирать один за другим, пока он не останется совсем один. Вот это будет настоящее одиночество.

Ван Линь начал размышлять. Спустя много времени он встал. Казалось, он сильно постарел. Он медленно поднял стул, зашел обратно в магазин и медленно закрыл дверь.

Прошло много времени, и в магазине зажегся огонь. И хотя этот огонь выглядел как огни во всех остальных магазинах, он был пустым, и внутри его пряталось глубокое чувство одиночества.

Ван Линь сидел рядом с огнем. В магазине было очень тепло, но его сердце стало еще холоднее. После долгих раздумий Ван Линь достал деревянную статуэтку и поставил ее рядом с собой.

Это была фигурка его отца.

Он смотрел на фигурку, и холод в его сердце немного отступил. Затем Ван Линь вытащил фигурку матери. После этого он постепенно вытаскивал статуэтки одну за другой и ставил их рядом с очагом.

Это были фигурки мужчин и женщин, молодежи и стариков. Все они были жителями одной маленькой деревушки.

Глядя на эти фигурки, Ван Линь улыбнулся. Хотя эта улыбка демонстрировала удовлетворение, если бы ее кто-нибудь увидел, то он бы спросил, “Разве это улыбка? Очевидно же, что это немой крик.”

Огонь колебался, то освещая лицо Ван Линя, то бросая на него тень. Когда огонь добрался до резных фигурок, пробудилось какое-то странное чувство.

Холод в сердце отступил еще немного, и он нежно взял в руки каждую фигурку. И хотя холод уменьшался, росла его печаль.

Ван Линь пробормотал под нос, “Не могу отпустить, не могу отпустить...” В ранние годы своей культивации он не мог отпустить свою семью. Даже сейчас он не мог их отпустить.

Но это чувство отличалось от того, что он испытывал тогда. Чтобы стать бессмертным, ему сначала нужно стать смертным. Если бы он отпустил все эмоции, что испытывал к своей семье, для него не осталось бы способа превратиться в смертного.

Каждый культиватор Формирования Души был сильным не только из-за своей культивации, но и потому, что где-то в глубине души пряталась капля эмоций. Они использовали эти эмоции, чтобы выйти из стадии Зарождающейся Души и достичь стадии Формирования Души.

Именно благодаря этим эмоциям Ван Линь не испытывал трудностей при превращении в смертного и постепенно начал чувствовать себя смертным.

В данный момент он был погружен в мысли о своих родителях и молча проживал это чувство. Духовная энергия в его теле снова начала бурлить. Она постепенно выходила из его тела. Осколки духовной энергии выходили из всех деревянных статуэток в комнате и кружились вихрем вместе с духовной энергией Ван Линя.

Постепенно водоворот духовной энергии вращался все быстрее и вышел за пределы магазина.

Когда снежинки падали на крышу магазина, они тоже начинали кружиться. Вскоре они превратились в вихрь снежинок и улетели вдаль.

Снег шел все гуще и гуще. Постепенно Ван Линь начал пробуждаться. Когда он пришел в себя, некоторые фигурки треснули.

Несмотря на трещины, их духовное напряжение стало еще сильнее. Даже их качество увеличилось.

Ван Линь посмотрел на них и сделал глубокий вдох.

Он встал, распахнул дверь. Холодный ветер со снегом ударил ему в лицо. Он поднял взгляд в небо и прошептал, “Формирование Души, я, Ван Линь, добьюсь его, любой ценой!”

Снег пошел еще сильнее, землю начал укутывать толстый снежный покров. В этот момент неожиданно открылась дверь в кузнечную мастерскую напротив Ван Линя. Да Ню и его отец уже собирались выходить, когда увидели Ван Линя. Они не могли не встревожиться. Да Ню побежал сквозь снег, хрустевший с каждым его шагом. Он подбежал к Ван Линю и прокричал, “Дядя Ван, ты знал, что мы придем?” С этими словами он вошел в комнату и сел у огня.

Отец Да Ню нес деревянную корзину и улыбался, “Брат Ван, ты не занят?”

Ван Линь слегка улыбнулся, посторонившись, и ответил, “Я не занят. Заходите, побеседуем внутри.”

Отец Да Ню вошел в комнату. Он посмотрел на статуэтки, стоявшие там, в его взгляде читалась зависть. Он поставил деревянную корзину на землю и потер руки. Он хотел что-то сказать, но не знал, как начать.

В этот момент Да Ню, сидевший у огня, увидел фигурки родителей Ван Линя и вдруг закричал, “Дядя Ван, а почему я никогда раньше не видел эти фигурки? Ты недавно их сделал?”

Ван Линь закрыл дверь, затем сел и сказал, “Я сделал их не так давно.”

Да Ню внимательно посмотрел на статуэтки и спросил, “Дядя Ван, а чьи это фигурки?”

В глазах Ван Линя показалась ностальгия, он медленно проговорил, “Это моя семья.”

Да Ню был поражен и больше ничего не спрашивал. Он подошел к корзине и открыл ее. Внутри было три блюда с изысканной едой и два кувшина фруктового вина.

Ван Линь посмотрел на все это и слабо улыбнулся, бросив взгляд на отца Да Ню. Он знал этого человека уже довольно давно и в первый раз видел его таким. Очевидно, отец Да Ню пришел просить его о помощи, но не знал, как начать разговор.

Ван Линь сказал, “Брат Цэн, если ты хочешь что-то сказать, просто скажи.”

Отец Да Ню немного заколебался. Он потер руки и ответил неловко, “Ничего, ничего.”

Да Ню смотрел на блюда в корзине. Он сглотнул, и его рука потянулась внутрь. Когда он заметил, как отец со значением посмотрел на него, он быстро отдернул руку и недовольно проворчал, “Всего-то одолжить немного серебра. Что в этом такого непристойного?”

Лицо отца Да Ню внезапно покраснело, и он отругал сына. “Маленький сорванец, ну погоди, вот дойдем мы до дома.”

Да Ню высунул язык и сказал, “Раз отец не говорит, скажу я. Мама хочет купить магазин по соседству с нашим, чтобы расширить наш магазин, но нам не хватает денег.”

Отец Да Ню вздохнул. Он посмотрел на Ван Линя и беспомощно сказал, “Брат Ван, твоя невестка думает, наш магазин слишком мал и ограничивает бизнес, который у нас мог бы быть. Она увидела, что магазин старого Ли сдается в аренду, и тут же захотела его арендовать.”

Ван Линь слегка кивнул. Он вытащил из корзины кувшин вина и сделал глоток, затем проговорил, “Сколько вам надо?”

Отец Да Ню немного поколебался и ответил, “Магазин достаточно большой, и мы должны отдать арендную плату сразу за два года, так что будет нужно 50 серебряных монет... э-э.... 30. 30 серебряных монет будет достаточно.”

Да Ню надулся и прошептал, “Мама ясно сказала, 80 серебряных монет...” Прежде, чем он закончил, отец бросил на него еще один яростный взгляд.

Ван Линь кивнул. Не говоря ни слова, он встал и пошел в заднюю комнату. Там стояла корзина с золотом и серебром. Ван Линь, не глядя, взял оттуда золота и положил его перед отцом Да Ню.

Когда отец Да Ню увидел золотые монеты, он был поражен и быстро сказал, “Мне не нужно так много. Брат Ван, быстро убери это. Я хочу одолжить всего лишь 30 серебряных монет.” Как ему показалось, перед ним лежало по меньшей мере 10 золотых монет, гораздо больше, чем ему было нужно.

Ван Линь взял кувшин вина и улыбнулся, “Брат Цэн, я не одалживаю тебе эти деньги. Это деньги за вино. С сегодняшнего дня я бы хотел покупать кувшин твоего фруктового вина каждый день. 10 лет фруктового вина стоят этих денег.”

Отец Да Ню немного поколебался. На его лице было написано возбуждение. Он сказал, “Брат Ван, это...”

Да Ню закатил глаза и сказал, “Пап, просто возьми их. Дядя Ван одну свою статуэтку продает за 10 золотых монет.”

Отец Да Ню снова уставился на мальчика. Он взял кувшин, сделал большой глоток, затем сказал, “Брат Ван, что значит 10 лет или 8 лет? Покуда ты живешь здесь, я каждый день буду посылать тебе кувшин вина!”

Ван Линь усмехнулся. Он смотрел на отца и сына перед собой, и сердце его больше не было холодным. Сейчас он чувствовал немного тепла.

В ту ночь отец Да Ню много пил. Двух кувшинов было явно недостаточно. Да Ню приносил им еще и еще, и только на десятом кувшине они решили, что выпили достаточно.

Наконец, отец Да Ню отключился от количества выпитого, но его рука крепко сжимала золото, пока Да Ню тащил его домой.

Перед тем, как они ушли, Да Ню тихо сказал Ван Линю, “Дядя Ван, у нас много этого вина. Папа не разрешает мне рассказывать другим, но на самом деле в подвале нашего дома много больших бочек с вином, и говорят, что еще больше закопаны глубже. Если бы не тот факт, что отец отказывается продавать вино, мама не заставила бы его идти сюда и занимать деньги.”